

Совет Безопасности

Доклад эксперта на тему «Армия ООН и Миротворческие силы. Реализация положений Устава (ст.43-47)»

Доклад посвящён сравнению двух подходов ООН к обеспечению международной безопасности — концепции постоянной армии, закреплённой в статьях 43–47 Устава, и практики применения миротворческих сил. Рассматриваются исторические предпосылки, правовая база и причины, по которым проект армии ООН не был реализован. Анализируются принципы, мандаты и ограничения миротворческих миссий, а также их роль в современном миропорядке. Особое внимание уделено проблемам эффективности миротворчества, включая политическую зависимость, недостаток ресурсов и размытые полномочия. Выявлены сильные и слабые стороны обеих моделей и сделан вывод о необходимости реформы подходов к поддержанию мира.

Содержание

1. Основные аспекты проблемы.....	3
2. Исторический контекст: от ВШК к современным миротворцам.....	4
3. Официальный статус и правовая база.....	6
<i>A. Правовая база для создания вооруженных сил ООН.....</i>	<i>7</i>
<i>B. Роль Военно-штабного комитета.....</i>	<i>8</i>
<i>C. Правовая база миротворческих сил.....</i>	<i>8</i>
<i>D. Сравнительный анализ правовых основ.....</i>	<i>9</i>
4. Аспекты деятельности.....	10
5. Проблематика деятельности миротворцев.....	12
6. Заключение.....	14
7. Библиография.....	17

1. Основные аспекты проблемы.

Тема обсуждения армии ООН и миротворческих сил представляет собой один из ключевых вопросов международного права и практики обеспечения коллективной безопасности. В центре этой дискуссии — положения Устава ООН, в частности статьи 43–47, которые предусматривают создание постоянных вооружённых сил в распоряжении Совета Безопасности. Первоначально замысел предполагал, что такие силы будут находиться в постоянной готовности, иметь единое командование и быть способными оперативно реагировать на акты агрессии, нарушения мира или угрозы международной стабильности. Однако в силу политических разногласий между постоянными членами Совета Безопасности, особенно в период Холодной войны, этот механизм так и не был реализован. Не были заключены специальные соглашения, предусмотренные статьёй 43, а Военно-штабной комитет, созданный статьёй 47, остался органом с преимущественно консультативными функциями.

Отсутствие постоянной армии ООН привело к формированию альтернативного механизма — миротворческих сил. В отличие от армии, они не упомянуты в тексте Устава, но получили развитие на основе резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Первые миротворческие миссии появились в конце 1940-х годов, начиная с Органа ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП, 1948 г.). Со временем деятельность по поддержанию мира приобрела институциональную форму с созданием Департамента операций по поддержанию мира (1992 г.) и других структур, координирующих работу «голубых касок». Миротворческие силы формируются из добровольно предоставляемых национальных контингентов, действуют на основании мандатов, которые определяют их численность, задачи и правила применения силы. Ключевыми принципами их работы стали согласие принимающей стороны, нейтралитет и неприменение силы, кроме случаев самообороны или защиты мандата.

Сравнительный анализ армии ООН и миротворческих сил показывает, что, несмотря на схожие цели — обеспечение международного мира и безопасности, — их правовые основы, структура и механизмы применения различаются. Армия ООН задумана как инструмент принуждения, способный действовать без согласия сторон конфликта по решению Совета Безопасности в рамках главы VII Устава. Миротворческие силы, напротив, функционируют в условиях согласия всех участников конфликта и имеют ограниченные мандаты, что делает их более гибким, но менее мощным инструментом реагирования.

Практика показала, что миротворчество стало основным инструментом ООН в условиях невозможности создания постоянной армии. Однако эффективность миротворческих

операций часто зависит от политической воли государств-доноров, качества мандатов и доступных ресурсов. В истории ООН были как примеры успешных миссий (Сьерра-Леоне, Либерия), так и случаи, когда миротворцы не смогли предотвратить гуманитарные катастрофы (Руанда, Сребреница). Существуют и системные проблемы: недостаточное финансирование, нехватка оснащения, слабая координация, а также отдельные случаи нарушений прав человека со стороны персонала. Всё это формирует комплекс вызовов, требующих реформирования подхода к поддержанию мира.

Таким образом, основная проблема заключается в том, что формально закреплённый в Уставе ООН механизм создания вооружённых сил так и не заработал, а сложившийся на практике институт миротворчества имеет как преимущества, так и серьёзные ограничения. Эта ситуация поднимает вопрос о том, каким образом Организация может повысить свою эффективность в обеспечении мира: через реформу Военно-штабного комитета, развитие постоянных сил, совершенствование миротворческих операций или комбинирование этих подходов. Рассмотрение исторических, правовых и организационных аспектов данной темы позволяет лучше понять, почему изначальные идеи Устава ООН трансформировались в ту модель, которую мы наблюдаем сегодня.

2. Исторический контекст: от ВШК к современным миротворцам.

Военно-штабной комитет — это вспомогательный орган Совета Безопасности Организации Объединённых Наций, роль которого определена в Уставе Организации Объединённых Наций (статья 47).

Роль Военно-штабного комитета (ВШК) заключается в том, чтобы «давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению».

Как установлено в статье 47, в состав ВШК входят Начальники Штабов пяти постоянных членов Совета Безопасности: Китая, России, Соединённого Королевства, Соединённых Штатов Америки и Франции. Полномочия делегированы главам делегаций (военным советникам 5 постоянных членов СБ). В состав каждой делегации входит по одному представителю от каждого из трех видов вооружённых сил.

Объединённые нации, включая постоянных членов, должны были на основании статьи 45 Устава держать в состоянии немедленной готовности свои вооружённые контингенты и по

необходимости предоставить их в распоряжение ВШК. Численность и степень их готовности и планы их совместных действий определяются Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного Комитета в пределах, указанных в упомянутых соглашениях. Так были заложены правовые основы для формирования единых вооруженных сил ООН.

Именно учреждение ВШК и создание единых вооруженных сил под его руководством должно было стать основным действенным механизмом, призванным обеспечить эффективность принимаемых решений, направленных на применение вооруженной силы для подавления агрессора и других форм применения принудительной силы, когда иные способы (санкции, разрыв отношений и т.д.) оказались недостаточными.

Все вопросы, связанные с Вооруженными силами Организации Объединенных наций (ВС ООН), должны решаться с применением принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности. В практике создания и применения ВС ООН имели место неоднократные нарушения положений Устава ООН. Не были заключены особые соглашения, предусмотренные ст. 43 Устава, практически бездействует Военно-Штабный Комитет, организация и командование вооруженными силами находятся в руках Генерального секретаря ООН.

За восемь десятилетий роль и функции ВШК, предусмотренные в Уставе ООН, адаптировались к реалиям системы ООН, которая претерпела за период с 1946 года существенные изменения. Начиная с 1945 года Военно-штабной комитет не функционирует полноценно, в следствии чего возможность существования ВС ООН в соответствии с Уставом невозможно. За всё время существования ООН и ВШК в соответствии с главой 7 Устава ООН было проведено две операции: операция в Корее 1950 года и операция «Буря в пустыне» 1991 год. Все остальные операции по поддержанию международного мира и безопасности проводились и проводятся Миротворческим контингентом ООН. Уставом Организации Объединенных Наций не предусмотрено существование Миротворческого контингента (голубые каски). Миротворческие контингенты *de facto* существуют, в Уставе *de jure* отсутствует их упоминание. Миротворческий контингент был создан резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН и встал на место не реализованной в соответствии с 7 главой Устава постоянной Армии ООН.

Динамика холодной войны, противостояние полюсов силы и отказ на раннем этапе от создания автономных постоянных войск ООН не позволили ВШК работать по своему назначению — т.е. выполнять функции глобального оборонного ведомства ООН. Организация и деятельность, связанные с миротворческими операциями ООН как направлением деятельности, конкретно не оговоренным в Уставе ООН, развивались по мере того, как

Секретариат ООН обращался ко всем государствам-членам с просьбами о предоставлении воинских контингентов для выполнения мандатов, устанавливаемых Советом Безопасности, — первой такой миссией явился Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП), учрежденный в 1948 году. В 1992 году Секретариат создал Департамент операций по поддержанию мира (ДОПМ) для «обеспечения политического и исполнительного руководства миротворческими операциями ООН и поддержания контактов с Советом Безопасности, странами, предоставляющими воинские контингенты и финансовые ресурсы, и сторонами конфликтов при выполнении мандатов Совета Безопасности». Создание Департамента полевой поддержки (ДПП) и работа Департамента по политическим вопросам (ДПВ) еще более усилили роль Секретариата ООН в деле выполнения относящихся к безопасности элементов мандатов Совета. Таким образом, Секретариат ООН, а не ВШК стал центром по управлению военной деятельностью Организации. В процессе такой эволюции у ВШК осталась только консультативная функция в связи с работой Совета Безопасности.

Несмотря на изначальные амбиции Устава ООН, предусматривавшего создание эффективного механизма коллективной безопасности под руководством Военно-штабного комитета (ВШК), реалии холодной войны и отсутствие консенсуса между постоянными членами Совета Безопасности привели к его фактическому бездействию. Вместо единых вооруженных сил ООН, подчиненных ВШК, миротворческая система развивалась через *ad hoc* миссии, управляемые Секретариатом. Это отразило переход от принудительных мер к более гибкому формату операций, основанному на добровольном участии государств и согласии конфликтующих сторон. Таким образом, ВШК сохранил лишь консультативные функции, а реальное руководство миротворчеством перешло к Департаментам ООН. Эта эволюция демонстрирует, что механизмы поддержания международного мира вынуждены адаптироваться к политическим реалиям, даже в ущерб первоначальному замыслу. Однако вопрос о необходимости реформы военно-политических инструментов ООН, включая потенциал ВШК, остается актуальным в условиях новых глобальных вызовов.

3. Официальный статус и правовая база.

Правовой статус применения вооружённых сил в рамках Организации Объединённых Наций (ООН) является одним из ключевых аспектов международного права в сфере поддержания мира и безопасности. В основе этой системы лежит Устав ООН, который в ряде своих положений закрепляет механизмы для

коллективного реагирования на угрозы миру, акты агрессии и нарушения международного порядка. Особое место в этом контексте занимают статьи 43–47, определяющие порядок формирования и применения вооружённых сил, которые государства-члены обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности. Несмотря на высокую степень детализации уставных положений, их реализация на практике оказалась невозможной из-за политических и организационных причин.

Одновременно с этим, начиная с конца 1940-х годов, в деятельности ООН сложился особый механизм — миротворческие операции, которые формируются на основании резолюций Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи. Эти силы, в отличие от постоянной армии ООН, не имеют прямого закрепления в Уставе, но стали основным инструментом обеспечения международного мира. Рассмотрение правовой базы обеих моделей — уставной армии и миротворческих сил — позволяет понять различия между теоретической концепцией и сложившейся практикой.

Правовая база для создания вооружённых сил ООН

Устав ООН в главе VII предусматривает механизм, при котором государства-члены предоставляют вооружённые силы в распоряжение Совета Безопасности для проведения операций по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Эти положения имеют обязательный характер и являются нормами первичного права ООН.

Статья 43 закрепляет, что все члены ООН обязуются, по требованию Совета Безопасности и в соответствии с одним или несколькими специальными соглашениями, предоставлять вооружённые силы, помощь и необходимые средства, включая право прохода. В таких соглашениях должны определяться численность, состав, степень боеготовности, а также условия использования этих сил. Эти соглашения подлежат ратификации государствами в соответствии с их внутренними процедурами.

Статья 44 устанавливает, что если Совет Безопасности принимает решение о применении силы с участием государств, не являющихся его постоянными членами, то эти государства имеют право участвовать в обсуждении вопросов применения предоставленных ими вооружённых сил. Это положение отражает принцип участия в принятии решений государств, несущих ответственность за выполнение военных операций.

Статья 45 предписывает, что государства должны содержать в постоянной готовности военно-воздушные силы, способные к немедленному развёртыванию по требованию Совета Безопасности.

Статья 46 гласит, что планы применения вооружённых сил разрабатываются Советом Безопасности при содействии Военно-штабного комитета (ВШК).

Статья 47 посвящена ВШК, который состоит из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности и выполняет функции консультативного и координационного органа в области военных вопросов. Он несёт ответственность за стратегическое руководство вооружёнными силами, предоставленными в распоряжение ООН.

Несмотря на чёткую уставную регламентацию, предусмотренные в статьях 43–47 специальные соглашения так и не были заключены. Первоначально планировалось, что их подписание произойдёт в течение первого года после вступления в силу Устава (1945 г.), однако из-за начала холодной войны и глубоких политических разногласий между постоянными членами Совета Безопасности этот процесс был приостановлен. Таким образом, постоянная армия ООН, задуманная как централизованный и постоянно готовый к действию военный инструмент, осталась нереализованной концепцией.

Роль Военно-штабного комитета

Военно-штабной комитет (ВШК) был создан в соответствии со статьёй 47 Устава и должен был стать центральным органом стратегического управления армией ООН. В его состав входят начальники штабов вооружённых сил постоянных членов Совета Безопасности или их представители. К основным задачам ВШК относятся:

- консультирование Совета Безопасности по всем вопросам военного характера;
- разработка планов применения вооружённых сил;
- руководство вооружёнными силами, предоставленными в распоряжение ООН;
- координация вопросов разоружения и регулирования вооружений.

На практике роль ВШК оказалась минимальной. В отсутствие постоянной армии ООН комитет утратил центральное значение и функционирует сегодня скорее как формальный консультативный орган. Заседания ВШК проводятся редко, а их повестка ограничивается вопросами военной экспертизы в отношении отдельных операций ООН.

Правовая база миротворческих сил

Миротворческие силы, в отличие от уставной армии, прямо не предусмотрены в тексте Устава ООН. Их правовая основа формировалась постепенно, в ответ на конкретные кризисные ситуации, и включает в себя:

Общие положения Устава — статья 1 (цели и принципы ООН), статья 24 (полномочия Совета Безопасности) и главы VI и VII. Глава VI («Мирное разрешение споров») предусматривает

дипломатические меры, а глава VII («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии») позволяет Совету Безопасности применять меры, включая военные, для восстановления мира.

Решения Совета Безопасности — каждая миротворческая операция создаётся отдельной резолюцией, в которой указываются мандат, задачи, численность и состав контингентов, а также правила применения силы. Примером является Резолюция 143 (1960), учредившая операцию ООН в Конго (ONUC), или Резолюция 1244 (1999), установившая международное присутствие в Косово.

Резолюция Генеральной Ассамблеи 377(V) «Объединение ради мира» (1950 г.) — предусматривает возможность рекомендовать коллективные меры, включая направление вооружённых сил, если Совет Безопасности не способен действовать из-за разногласий между его постоянными членами.

Принципы миротворчества — согласие принимающей стороны, нейтралитет, неприменение силы, кроме случаев самообороны или защиты мандата. Эти принципы были впервые сформулированы при создании первой чрезвычайной вооружённой группы ООН (UNEF I) в 1956 году и закреплены в «Capstone Doctrine» (2008 г.).

Сравнительный анализ правовых основ

Правовые основы армии ООН и миротворческих сил различаются по своему происхождению, юридической силе и механизму реализации.

Армия ООН:

- прямо закреплена в Уставе (ст. 43–47);
- создание обязательно для государств-членов при заключении специальных соглашений;
- предполагает постоянную готовность и централизованное командование через ВШК;
- юридическая база имеет высший статус в иерархии источников международного права.

Миротворческие силы:

- не закреплены напрямую в Уставе, но опираются на его общие положения и решения органов ООН;
- формируются на добровольной основе из национальных контингентов;
- мандат ограничен по времени и задачам, определяется резолюцией; - правовая база гибкая, что позволяет адаптировать операции под конкретные ситуации.

Таким образом, уставная армия ООН осталась на уровне концепции из-за политической невозможности её реализации, тогда

как миротворчество стало фактическим инструментом применения военной силы в рамках системы коллективной безопасности ООН.

4. Аспекты деятельности.

Понимание различий между армией ООН как юридически предусмотренным, но не реализованным инструментом, и реально функционирующими миротворческими миссиями позволяет точнее оценить потенциал и ограничения ООН в сфере международной безопасности.

Функциональная деятельность армии ООН, хотя и не получила практической реализации в виде постоянной вооружённой структуры, представляет собой важный теоретический элемент международной безопасности. Согласно статье 43 Устава ООН, государства-члены обязуются по соглашению с Советом Безопасности предоставлять вооружённые силы, вспомогательные средства и инфраструктуру для реализации решений Совета по обеспечению мира. Предполагалось, что эти силы будут находиться в постоянной боевой готовности и смогут оперативно вмешиваться в конфликты, действуя в интересах коллективной безопасности. Армия ООН, таким образом, задумывалась как международный военный инструмент, способный к быстрому развёртыванию, обладающий единым командованием, собственными средствами разведки, связи и логистики. Однако в течение всей истории ООН идея создания постоянной армии оставалась заблокированной из-за отсутствия политического консенсуса между постоянными членами Совета Безопасности. Особенно остро противоречия проявились в период Холодной войны, когда создание международной вооружённой силы автоматически воспринималось как угроза национальному суверенитету и стратегическому балансу.

Тем не менее в ряде случаев ООН прибегала к так называемым «принудительным мерам», когда Совет Безопасности наделял мандатом коалиции государств на проведение военных операций от имени международного сообщества. Ярким примером является Корейская война (1950–1953), в ходе которой силы под командованием США действовали на основании резолюции Совета Безопасности, принятой в отсутствие СССР. Подобные действия проводились и в других регионах — например, в Ираке (1991) или в Ливии (2011), где резолюции Совета Безопасности санкционировали применение силы для восстановления мира.

Следовательно, несмотря на отсутствие армии ООН как институционального образования, её функции частично реализовывались через коалиционные механизмы. Однако такие операции отличались высокой политизированностью, зависимостью от военной мощи отдельных государств и нередко вызывали критику за нарушение принципа коллективности в принятии решений.

В противоположность армии ООН, миротворческие миссии

представляют собой устойчиво функционирующий инструмент ООН в сфере безопасности. Их организацией и координацией занимается Департамент операций по поддержанию мира (ДПО), деятельность которого регулируется решениями Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Миротворческие силы формируются на добровольной основе из контингентов государств-членов. Основной задачей миротворцев является стабилизация обстановки в регионах, переживающих вооружённый конфликт или находящихся в постконфликтной фазе. Их деятельность направлена на предотвращение возобновления насилия, защиту мирного населения, содействие проведению выборов, восстановление институтов власти, реформу сектора безопасности и судебной системы, а также на гуманитарную поддержку.

Мандаты миротворческих миссий определяются Советом Безопасности и могут существенно различаться по своей интенсивности. Одни миссии ограничиваются наблюдением за перемирием (например, UNTSO), другие включают элементы стабилизации, реформирования и защиты мирного населения (например, MONUSCO в ДР Конго или MINUSMA в Мали). Некоторые современные операции допускают применение силы не только для самообороны, но и для обеспечения выполнения мандата, что фактически расширяет функционал миротворцев до элементов миротворческого принуждения. Однако, в отличие от армии, такие действия требуют отдельного одобрения Совета Безопасности и зависят от политической воли государств-доноров. Кроме того, миротворцы не обладают тяжёлым вооружением, авиацией или стратегическими возможностями, которые могли бы обеспечить преимущество в сложных условиях конфликта.

Одним из существенных отличий между армией ООН и миротворцами является характер взаимодействия с конфликтующими сторонами. Армия, будучи инструментом принуждения, предполагала вмешательство без согласия сторон, на основании главы VII Устава, с целью подавления агрессии. Миротворцы же работают, как правило, при наличии формального согласия всех участников конфликта и выступают в роли нейтрального посредника, минимизируя риск эскалации. Этот подход, с одной стороны, обеспечивает политическую приемлемость присутствия ООН, с другой — ограничивает действенность миссий в случае нарушения договорённостей или отсутствия реального желания сторон к примирению.

Следующие примеры подтверждают эти различия. Так, в случае с бывшей Югославией миротворцы UNPROFOR оказались неспособны предотвратить геноцид в Сребренице, поскольку их мандат ограничивался наблюдением и не позволял применять силу. В то же время в Сьерра-Леоне миссия UNAMSIL, обладавшая более

широкими полномочиями, сумела стабилизировать ситуацию и содействовать разоружению повстанцев. Это указывает на критическую зависимость эффективности миротворчества от параметров мандата, политической поддержки и ресурсов. Армия ООН, будь она создана, могла бы действовать более решительно, но именно политическая невозможность её формирования делает миротворчество основным, пусть и ограниченным, инструментом вмешательства ООН в конфликты.

Таким образом, деятельность армии ООН и миротворцев ООН концептуально различается по функциям, механизмам применения силы, характеру участия государств и степени оперативной автономии. Армия остаётся теоретическим воплощением идеи коллективной безопасности с высокой степенью мобилизационной готовности и централизованным управлением. Миротворцы же представляют собой гибкий, адаптивный и политически приемлемый формат, опирающийся на многостороннее участие и согласие. Их эффективность зависит от характера конфликта, поддержки Совета Безопасности и возможностей государств-доноров. На текущий момент именно миротворчество остаётся основной формой реализации безопасного мандата ООН, несмотря на признанные ограничения в условиях высокой конфликтности и отсутствия политической воли у вовлечённых сторон.

5. Проблематика деятельности миротворцев.

Несмотря на значительный вклад миротворческих сил ООН в стабилизацию конфликтных регионов, их деятельность сопряжена с рядом системных проблем и ограничений, которые негативно сказываются на эффективности миссий и доверии к самой организации. Основу этих проблем составляют как институциональные, так и оперативные аспекты, охватывающие юридические, политические, логистические и этические уровни функционирования.

Одной из ключевых проблем является неопределённость мандатов миротворческих операций. Часто они формулируются слишком обтекаемо, не содержат чётких критериев вмешательства и механизма оценки эффективности. Такая неопределённость создаёт риск двусмысленного толкования задач и приводит к пассивности миротворцев в критических ситуациях. Хрестоматийным примером является резня в Сребренице (1995), в Боснии и Герцеговине, где голландский контингент миротворцев ООН (в составе миссии UNPROFOR) не смог предотвратить убийство более 8 000 мусульманских мужчин и юношей, несмотря на наличие «зоны безопасности». Отсутствие чётких полномочий на применение силы сделало вмешательство невозможным даже при угрозе массового геноцида. Похожая ситуация наблюдалась и в Руанде в

1994 году, где миссия UNAMIR не имела достаточного мандата и численности для сдерживания геноцида тутси, несмотря на ранние предупреждения от собственного командующего генерала Ромео Даллара.

Вторым значимым ограничением является зависимость миротворческих миссий от воли государств-членов. ООН не обладает собственными вооружёнными силами, и её способность к реагированию полностью зависит от добровольных взносов стран-участниц. Это порождает неравномерность в качестве и подготовке контингентов, а также ведёт к задержкам в развёртывании и нехватке оборудования. Например, в миссии MINUSMA в Мали военные из разных стран (включая Бангладеш, Чад, Египет) столкнулись с нехваткой авиационной поддержки и современного оборудования, что делало их особенно уязвимыми перед атаками террористических группировок. Более того, политические интересы государств, предоставляющих войска, нередко вступают в противоречие с нейтральным характером миротворческой деятельности, подрывая её легитимность. Это особенно остро проявляется в случаях, когда военные контингенты не соблюдают беспристрастность — как, например, обвинения против миротворцев из Эфиопии в Южном Судане о поддержке правительственных сил.

Дополнительные сложности связаны с отсутствием единой системы командования и недостаточным уровнем координации между различными структурами. В случае многонациональных миссий возникают трудности в интеграции тактики, стандартов, коммуникационных протоколов и языков, что замедляет принятие решений и снижает оперативность. Например, в операции MONUC (ныне MONUSCO) в Демократической Республике Конго неоднократно фиксировались задержки в реагировании на нападения повстанцев в силу бюрократической иерархии внутри миссии, а также отсутствия чёткой координации между военными и гуманитарными компонентами.

Особое беспокойство вызывает проблема дисциплины и ответственности миротворцев. В ряде случаев миротворческие силы были обвинены в совершении серьёзных нарушений прав человека, включая сексуальную эксплуатацию, торговлю людьми и жестокое обращение с гражданским населением. Наиболее громкий случай произошёл на Гаити, где военнослужащие из Непала, входившие в состав миссии MINUSTAH, стали источником эпидемии холеры, унесшей жизни более 10 000 человек. Кроме того, именно в этой миссии, а также в ЦАР и ДР Конго, миротворцы были обвинены в изнасилованиях и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. При этом институциональные механизмы привлечения к ответственности зачастую неэффективны: персонал находится под юрисдикцией своей страны, а не ООН, и случаи наказания крайне редки. Такая ситуация подрывает доверие к

миротворчеству и способствует культуре безнаказанности, особенно в бедных и уязвимых регионах.

Проблема финансирования миротворческих миссий обусловлена сочетанием системных факторов: нерегулярными или неполными взносами государств-доноров, перераспределением бюджетов в пользу внутренних приоритетов стран, конкуренцией за ограниченные ресурсы между параллельными операциями и зависимостью от политической воли ключевых спонсоров. Недостаток средств приводит к сокращению контингентов, ограничению в использовании современного оборудования, снижению уровня подготовки персонала и затруднениям в обеспечении безопасности миссии, что напрямую отражается на её способности выполнять мандат. Основными донорами остаются государства — члены ООН, в первую очередь США, Китай, Япония, Франция и Германия, а также такие региональные объединения, как Европейский союз и Африканский союз, чьи финансовые решения во многом определяют устойчивость миротворческих операций.

Ещё одной серьёзной проблемой является ограниченный характер взаимодействия миротворцев с местным населением. Недостаток культурной чувствительности, языковой барьер, ротация контингентов и формальный подход к выполнению задач нередко приводят к отчуждению между миссией и теми, кого она призвана защищать. Без доверия и сотрудничества эффективность миссий снижается. В миссии в Косово (UNMIK) и в Южном Ливане (UNIFIL) регулярно звучали обвинения в том, что миротворцы «сами по себе», живут обособленно, слабо вовлечены в местную социальную ткань и не понимают контекста конфликта.

Таким образом, проблематика миротворческих сил ООН носит комплексный характер. Слабая институционализация, отсутствие действенных механизмов подотчётности, политическая зависимость, ограниченность мандатов и отдельные случаи злоупотреблений ставят под сомнение способность миротворцев ООН обеспечивать долгосрочную безопасность и устойчивый мир. Для повышения эффективности необходима реформа миротворческого компонента: укрепление механизмов юридической ответственности, разработка чётких и реалистичных мандатов, улучшение подготовки персонала, обеспечение технических и логистических ресурсов, а также активное вовлечение местных сообществ в процесс миростроительства. Без этих мер миссии ООН рискуют оставаться неэффективными, а иногда и вредоносными для населения, которое они должны защищать.

6. Заключение.

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать вывод, что предусмотренная Уставом ООН концепция постоянной

армии и фактическая практика применения миротворческих сил — это два принципиально различных подхода к обеспечению международного мира и безопасности. Несмотря на общую цель — предотвращение и урегулирование вооружённых конфликтов, их правовая база, механизмы функционирования и политический контекст серьёзно различаются.

Армия ООН, как она была задумана в 1945 году, предполагала наличие постоянных, хорошо подготовленных вооружённых сил, находящихся в распоряжении Совета Безопасности и готовых к быстрому реагированию на угрозы миру. Её создание должно было опираться на специальные соглашения с государствами-членами в соответствии со статьёй 43 Устава, а управление — осуществляться через Военно-штабной комитет (статья 47). Такая структура позволила бы минимизировать зависимость от политической воли отдельных стран и обеспечить централизованное командование. Однако на практике политические противоречия между постоянными членами Совета Безопасности, особенно в период холодной войны, сделали реализацию этой идеи невозможной.

Отсутствие постоянной армии привело к развитию миротворческих операций как альтернативного механизма. Эти силы не упомянуты напрямую в Уставе, но их правовая основа была выработана в ходе деятельности ООН и закреплена в резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Миротворчество стало гибким инструментом, который позволяет действовать с согласия сторон конфликта, адаптироваться к конкретным политическим условиям и оказывать посредническую роль в урегулировании споров. Однако ограниченность мандатов, зависимость от добровольных взносов государств и запрет на применение силы, за исключением самообороны, делают такие миссии менее эффективными в условиях острого кризиса.

Сравнение этих двух моделей позволяет выделить их сильные и слабые стороны. Армия ООН потенциально обеспечивает высокую скорость реагирования, независимость от национальных интересов и единую систему управления, но требует значительного ограничения государственного суверенитета и согласия всех ключевых игроков. Миротворческие силы, напротив, обладают большей политической гибкостью и приемлемостью для государств, но часто сталкиваются с нехваткой ресурсов, размытыми мандатами и ограниченной возможностью предотвращать эскалацию конфликтов.

В условиях современных вызовов — от межгосударственных войн до гибридных конфликтов, терроризма и гуманитарных кризисов — ООН стоит перед выбором: вернуться к идее создания постоянных сил, реформировать миротворческие операции или искать комбинированные решения. Возможным направлением реформ может стать формирование быстрореагирующих многонациональных подразделений под эгидой ООН, которые

будут иметь чётко определённые мандаты и ресурсы, необходимые для эффективного выполнения задач.

Окончательный выбор между армией ООН и миротворческими силами, или их комбинацией, будет зависеть не только от юридических и организационных факторов, но и от политической воли государств-членов, готовности к компромиссам в Совете Безопасности и способности ООН адаптироваться к быстро меняющейся международной обстановке. Независимо от формы реализации, главная цель остаётся неизменной — обеспечение устойчивого мира, предотвращение конфликтов и защита прав человека во всём мире.

7. Библиография

1. Charter of the United Nations, Chapter VII, Articles 43–47. United Nations. <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>
2. United Nations Peacekeeping — Mandates and Legal Basis. <https://peacekeeping.un.org/en/mandates-and-the-legal-basis-for-peacekeeping>
3. Military Staff Committee — Security Council. <https://www.un.org/securitycouncil/content/military-staff-committee>
4. UN General Assembly Resolution 377(V) “Uniting for Peace”, 3 November 1950.
5. Capstone Doctrine: United Nations Peacekeeping Operations – Principles and Guidelines (2008).
6. S/RES/143 (1960), S/RES/1244 (1999) — примеры мандатов миротворческих миссий